

А.Л. Салагаев, А.В. Шашкин

НАСИЛИЕ В МОЛОДЕЖНЫХ ГРУППИРОВКАХ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ МАСКУЛИННОСТИ

Статья обращается к теоретическим и эмпирическим вопросам, связанным с маскулинностью и насилием. Насилие рассматривается как главное средство конструирования маскулинности членами молодежных делинквентных группировок, и процесс виктимизации рассматривается как попытка де(ре)-конструировать гендер другого. Авторы предлагают новое определение понятия «насилие» и концепт «деконструированной маскулинности жертвы». Выводы основаны на анализе 38 неформализованных глубинных интервью с активными членами группировок, проведенных в городах Средней Волги.

Подростково-молодежные группировки по месту жительства в российской социологии исследуются совсем недавно, хотя западные социологи и криминологи занимаются изучением этого феномена уже около 100 лет. Самым сложным в исследовании группировок всегда была теоретическая интерпретация многообразных эмпирических данных. Неясность причин появления данного явления породила множество гипотез: «неправильная» социализация отдельных подростков, неразрешимый классовый конфликт или осознанно выбранная арена для конструирования преступной карьеры социально исключенными группами молодежи.

В настоящей статье предлагается новый подход к интерпретации феномена группировок как, с одной стороны, микромира, отражающего специфику российской гендерной системы, а с другой стороны, гомосоциального поля, где постоянно происходит процесс «создания» маскулинности, в том числе и посредством различных насильственных практик.

Данное направление ставит новые для отечественной социологии проблемы, поскольку в существующей литературе, рассматривающей подростково-молодежные группировки (Л. Прозументов, Р. Булатов, А. Шестлер, С. Сибиряков, И. Гильманов, В. Овчинский, А. Кашелкин, С. Шестаков), гендерный аспект насилия практически не исследуется [1, с. 144; 2, с. 158; 3, с. 168–176; 4, с. 16; 5; 6, с. 19–20; 7, с. 24]. Вместе с тем, рассмотрение этого явления в гендерной перспективе дает продуктивные возможности для теоретического осмысления насилия и конструирования новой концепции.

Понятийный ряд исследования: «гендер» и «насилие» в социологической перспективе

Гендер, в отличие от биологического пола, обычно относят к описанию социальных характеристик мужского и женского. Это понятие включает в себя доминирующие представления о том, какие черты и способы поведения считаются маскулинными и фемининными в любом обществе в конкретный период времени. Гендер, таким образом, формируется в ходе социализации и включает психологические, социальные и культурные компоненты [8].

Описывая гендерные практики в конкретных обществах, исследователи часто пользуются термином «гендерный порядок», который характеризует возникающие в ходе исторического развития отношения власти и подчинения между полами. В ходе анализа молодежных группировок мы будем употреблять понятие «гендерный режим», которое обозначает выражение структурированного гендерного порядка внутри какого-либо общественного института. Гендерный порядок и гендерный режим базируются на разделении труда, властных иерархиях и социальном конституировании сексуального желания и сексуальности [9; 10]. Сила и насилие очень важны для каждой из этих составляющих.

В ходе проведенных нами исследований мы обнаружили, что российские молодежные группировки не просто являются гомосоциальными и состоят из мужчин, но также воспроизводят особую форму маскулинности. Именно поэтому нам бы хотелось подробно остановиться на разнообразных попытках теоретического осмысления маскулинности, существующих в научной литературе.

С точки зрения психоаналитической теории маскулинность представляет собой особую организацию психической структуры личности, состоящую из двусмысленных желаний, эмоций и фантазий, которые возникают в ходе развития отношений внутри каждой конкретной семьи. В соответствии с теорией социализации, маскулинность формируется из целого набора социально принимаемых поведенческих практик, которым индивид обучается через наблюдение и интериоризацию значимых ролевых моделей, например, родительских. Ролевая теория рассматривает маскулинность как набор социальных сценариев, содержание которых усваивается индивидом в раннем детстве [11, р. 115–116].

Постмодернистские и конструктивистские работы по субъективности отвергают идею о неподвижной и стабильной гендерной идентичности, отказываются от эссенциалистского понимания гендера и рассматривают самость как нечто изменяемое и подвижное. Майкл Киммел рассматривает маскулинность как «постоянно меняющийся набор значений, которые мы конструируем в общении с собой, друг с другом и окружающим нас миром» [12, р. 120]. Хоми Бхабха считает, что «маскулинность, таким образом, есть принятие некоей объявленной позиции, формирование психического комплекса, примерка социального пола, дополнение исторической сексуальности, аппарат культурного различия» [13, р. 58]. Соглашаясь с амбивалентной и неопределенной природой маскулинности, Роджер Хоррокс утверждает: «Имеет смысл рассматривать маскулинность как гетерогенную, чувствительную к контексту и возникающую в процессе взаимодействия» [14, р. 5]. Это утверждение противоречит традиционному пониманию маскулинности как глубоко укорененного, негибкого и неизменного аспекта индивидуального характера или личности.

Современный теоретик маскулинности Роберт Коннел рассматривает гендер через гендерные отношения. По его мнению, гендер является способом организации практик социального взаимодействия мужчин и женщин в четырех сферах: властной, производственной (разделения труда), катексиса (эмоциональных отношений) и символической [15, р. 23–26]. С этой точки зрения маскулинность представляет собой конфигурацию гендерных практик. Таким образом, гендер — это процесс, а не заранее заданная характеристика индивида [16], более того, гендер может быть помыслен как глагол, как динамический процесс, находящийся в рамках социального.

Вместе с тем, рассмотрение маскулинности как мультивариантного и постоянно конструируемого феномена кажется нам несколько преувеличенным. На наш взгляд, речь можно вести скорее об определенных «гендерных траекториях», границы которых очерчены и другими стратифицирующими общество измерениями, такими, как класс/социальное положение, образование, этничность и т.п. Конструирование же гендера можно сравнить скорее с процессом постоянного накопления гендерного опыта, дополняющего и раскрывающего гендерную идентичность. Вместе с тем, вышеперечисленные границы не являются очень жесткими, а траектории больше похожи не на рельсы, с которых достаточно сложно сойти, а на шоссе с большей свободой движения и возможностью объездов, разворотов и остановок.

Для обозначения иерархического характера маскулинностей Р. Коннелл ввел понятие «гегемонная маскулинность». Она соотносится с различными подчиненными маскулинностями и доминирует над ними [9, р. 183]. В одних культурах социализация молодых мужчин в рамках гегемонной маскулинности не связана напрямую с доказательством своей физической силы, трудолюбием и готовностью вступить в драку. Однако существуют культуры, в которых этот доминантный тип маскулинности в большей или меньшей степени связан с насильственным противодей-

ствием, доминированием и контролем [17]. Выражение гегемонной маскулинности посредством насилия становится основной формой мужественности и маргинализирует альтернативные формы. Вместе с тем, по мнению Коннелла, «насилие является частью системы доминирования, но, в то же самое время, мерой ее несовершенства... Масштаб современного насилия свидетельствует о кризисных тенденциях... в современном гендерном порядке» [18, р. 84].

Рассмотрение насилия в рамках гендерной проблематики требует от нас новой теоретической интерпретации понятия «насилие». Традиционно в социологической литературе насилие определяется как нанесение «эмоционального, психологического, сексуального, физического и/или материального ущерба» [19, р. XIV]. Некоторые авторы расширяют понятие «насилие», включая в него также вербальные, когнитивные и репрезентационные формы поведения, ущемляющие права других людей. Так, по мнению Дж. Хирна, насилие может также включать в себя «создание условий совершения насильственных действий, потенциальное насилие, угрозу и/или пренебрежение... и может быть драматичным, скрытым, случайным или продолжительным» [20, р. 43]. Такое расширительное толкование насилия размывает границы данного понятия, ведет к утрате специфики данного социального феномена, «насилию всех над всеми».

Феминистские теоретики отмечают, что насилие чаще совершается мужчинами, а потому не может рассматриваться вне гендерного поля. Они также пишут, что насилие играет важную роль в процессе социального конструирования маскулинности и сексуальности в патриархальном обществе, целью которого является воспроизводство и сохранение статуса и властной позиции мужчин [21; 22; 23, р. 71–94; 24].

Однако нельзя считать насилие «мужским» феноменом. По нашему мнению, насилие может быть определено как практика, используемая для конструирования и поддержания гендерной идентичности и отражающая отношения власти-подчинения определенного гендерного режима или гендерной системы. Насилие включает намеренное и осуществленное против воли человека применение физической силы, а также реальную угрозу его применения, с использованием вербальных и невербальных средств.

Гендерный режим и конструирование/деконструирование маскулинности в российских молодежных делинквентных сообществах

Целью нашего исследования было создание целостного образа молодежных арен, акторы которых в своих культурных практиках презентуют насильственное и преступное поведение. Мы сосредоточились на рассмотрении российских особенностей конструирования маскулинности/фемининности в подростково-молодежных территориальных группировках, широко распространенных в г. Казани и Поволжском регионе России. Члены таких группировок создают в своих практиках уникальную гендерную идентичность, предопределенную особыми историческими и социальными

ми условиями. Таким образом, в фокусе исследовательского интереса оказались как сами описанные идентичности, так и роль насилия в процессе их формирования. Особое внимание уделялось нормам и ценностям молодежных группировок, в том числе и гендерным отношениям, воспринимаемым исследователями в терминах отношений власти/подчинения. Одной из задач исследования было изучение повседневных взаимодействий членов группировок с другими акторами локальных сообществ, в частности, с потенциальными жертвами уличного насилия.

Для многостороннего изучения формирования маскулинности в подростково-молодежных группировках были проведены неформализованные глубинные интервью с активными их членами в естественных условиях улицы. В ходе исследования нами был собран большой объем этнографического материала о гендерных отношениях, репрезентациях маскулинности, нормах и ценностях членов группировок, восприятию их другими локальными акторами и т.п. [25; 26; 27]. В ходе дальнейшего изложения нам бы хотелось подробно остановиться на процессе конструирования маскулинности членами молодежных группировок за счет создания определенного гендерного режима, а также за счет насильственной виктимизации сверстников, не входящих в группировки.

Уличные группировки, как для юношей, так и для девушек, являются идеальной ареной для конструирования гендера. Вместе с тем, группировки, по мнению А. Кэмпбелл, отражают гендерные отношения власти в обществе и связанные с этим дискурсы и практики, в которых эти властные отношения воспроизводятся. Гендерные различия в группировках частично связаны с социальным конструированием гендерного доминирования и субординации [28]. Так, некоторые женские группировки в США формировались как «вспомогательные» по отношению к мужским и были ограничены в формировании собственных правил и типов организации. Таким образом, эти «вспомогательные» женские группировки не представляли из себя самостоятельных групп, а, скорее, отражали гендерные различия в обществе, основанные на власти [29].

В целом, западные исследователи не обнаружили шаек, в которых девушки принимали бы участие наравне с парнями. Это в значительной степени соотносится с результатами и нашего исследования. Гендерный режим российских группировок характеризуется ярко выраженным сексизмом по отношению к девушкам, что находит свое выражение не только в отношениях и оценках представительниц противоположного пола, но и в микрокультурных нормах и практиках исследуемых сообществ. Среди обнаруженных нами узловых элементов гендерного режима группировок можно выделить следующие:

1. Не признается право девушек на создание собственных группировок.

«Женские группировки не признаются мужскими. Считают, что все это ерунда. Если на территории мужской группировки собирается женская, то на них устраивают облавы. Если девушку из группировки поймут, то избивают или заставляют взять в рот...» (Г., 16 лет, член женской группировки «В», г. Казань, январь, 2001).

2. Девушкам нельзя присутствовать на «сходняках» мужских группировок.

«Девушки — не пацаны, поэтому не могут быть членами группировки, и соответственно, участвовать в сходняках...» (С., 36 лет, член группировки «К», г. Казань, февраль, 2001). *«Баб на сходняках не бывает, бабы это бабы. Если кто и придет, то она будет ждать где-нибудь, или ее могут послать, чтобы она ушла»* (К., 16 лет, член группировки «ГР», г. Казань, февраль, 2001).

3. Права женщины нельзя защищать публично, за женщину нельзя вступаться, если она не состоит с членом группировки в родственных отношениях (не является женой, сестрой или матерью). То есть если к девушке пристали парни, то нельзя ее защищать, можно только попросить их этого не делать.

Как показывает сравнительный анализ материалов различных исследований, кроме уже сложившихся норм относительно статуса и прав девушек, члены группировок в повседневной жизни часто допускают сексистские высказывания. Супруги Швендингер обнаружили в своем исследовании, что сексистская эксплуатация девушек является достаточно распространенной в среде молодежи как среднего, так и низшего классов [30]. Один «домашний мальчик» в ходе своего интервью другому исследователю Джоан Мур сказал об отношении к девушкам: «На мой взгляд, к 90% из них относятся как к дерьму. Обычно мы просто используем их для удовлетворения сексуальных потребностей или просто для поддержания компании. Просто нам нужно с кем-то трахаться...» [31].

Аналогичные высказывания были получены в ходе наших интервью: *«девушки могут только ублажать, решать сексуальные проблемы»* (И., 32 года, член группировки «С», г. Казань, февраль, 2001); *«все женщины — б...»* (К., 16 лет, член группировки «ГР», г. Казань, февраль, 2001) и т.п.

В традиционных обществах считается, что женщина является менее дееспособной, нежели мужчина, а все женское ассоциируется с неудачей или с чем-то несущественным и не достойным внимания. Единственным способом достижения социального престижа для женщины является презентация «более мужского» поведения, но даже в этом случае сравниться с мужчинами в легитимной власти для них не представляется возможным. Поэтому «к мужчине-неудачнику» часто относятся «как к женщине» [11, р. 141].

Участие членов подростковых группировок в различных преступлениях можно рассматривать в качестве ресурса для формирования гендера и удовлетворения потребности в «легкой жизни» на улице. Так, для парней-членов шаек наиболее доступным нелегальным ресурсом для получения денег и конструирования специфической маскулинности является ограбление и насилие.

По информации, полученной из глубинных интервью с членами группировок, тех, кто представляет собой потенциальную или реальную жертву уличных ограблений и других насильственных действий, называют «лохами». В целом, респонденты не смогли выделить конкретные каче-

ства «лохов», они для них слишком очевидны. По мнению членов шаяк, «лоха можно определить по одежде и походке, а главной отличительной чертой “лоха” является страх перед членами группировок. При разговоре пацан всегда подчеркивает свое положение, сразу же дает знать, с кем ты разговариваешь. Это чувствуется по уверенному голосу, с некоторыми признаками нахальства, по отсутствию страха. У лотов такие качества отсутствуют, они плохо соотносятся, не могут защитить себя в диалоге» (Н., 19 лет, активный член группировки «П», март, 2000).

Члены шаяк считают потенциальными «лохами» всех представителей альтернативных микрокультур, таких, как «хиппи», «панки», «рейверы», «хип-хоперы» и многие другие, кто отличается стилем одежды, прической и манерами поведения. Но внешний вид бывает обманчив, и поэтому единственный способ определить «лоха» — вступить с ним в диалог и проанализировать его реплики и действия.

В ходе интервью мы попросили членов шайки реконструировать различные диалоги. Ниже приводится диалог между членом группировки (П) и потенциальным, то есть еще не определенным «лохом» (Л):

П: — Слышь, ты откуда будешь?

Л: — Я не с улицы.

П: — Есть деньги?

Л: — Нет. (за ним первый зихер* — с него уже конкретно трясут деньги).

П: — А ну выворачивай карманы!!!

Л: — (выворачивает карманы). (Второй зихер — это определено лох).

П: — Ты в курсе, что карманы выворачивают только черти? И кто ты после этого? Короче, чтоб завтра в 15:00 ты был здесь с 50 рублями. Если сдашь мусорам (милиции), я тебе не завидую... (Н., 19 лет, активный член группировки «П», март, 2000).

В противоположность этому диалогу можно привести разговор члена группировки (ПЦ) с «парнем» (ПР) — подростком, не являющимся членом группировки, но живущим по схожим нормам и правилам (фабула такова, что «пацан» решил, что разговаривает с «лохом»):

ПЦ: — Ты, тормозни-ка! Откуда будешь?

ПР: — Какое это имеет значение?

ПЦ: — Должен же я знать, с кем разговариваю.

ПР: — Я сам по себе.

ПЦ: — Есть деньги, что ли?

ПР: — (с сарказмом) Есть, полные карманы, прямо вываливаются: надо, что ли?

ПЦ: — Давай (далее происходит схлест (драка), который начинает пацан не с улицы, т.к. его оскорбили) (Н., 19 лет, активный член группировки «П», март, 2000).

Из интервью видно, что важным компонентом отношений в группировке является демонстрация «крутизны»: умение и желание драться,

* Зихер — ошибка.

противостоять врагу, не избегать открытой конфронтации, быть «плохим», «сумашедшим», а потому — крутым [32]. Здесь гендер завершается специфическим способом — за счет насильственного противостояния любому виду агрессии со стороны других.

У членов группировок сформировался узнаваемый образ потенциальной жертвы, а также разработаны специальные технологии навязывания роли жертвы в диалогах. Как отмечает В.В. Волков, угроза — это своего рода обещание, которое должно быть выполнено любой ценой, даже ценой жизни. Здесь проявляется перлокутивный эффект языка (термин Дж. Остина), то есть способы использования языка, посредством которых речевые действия меняют ситуацию и/или создают новую реальность [33, с. 84]. Диалог представляет собой определенную воронку, когда сначала выявляется один признак «лоха», а потом вокруг него конструируется целостный образ. В результате интернализации жертвой своей роли она, под угрозой физической расправы, неизбежно попадает в материальную зависимость от члена группировки.

Данное явление может быть описано с помощью понятия «деконструированной маскулинности жертвы». Имея представление о нормативной маскулинности «настоящего пацана», член группировки в ходе диалога пытается проверить, соответствует ли ей его оппонент. Причем, с самых первых фраз диалога постоянно происходит попытка подорвать маскулинность потенциальной жертвы. Если жертва «прокалывается», перестает соответствовать образу идеальной мужественности, данный разрыв все более усугубляется в ходе диалога, что приводит к полной деконструкции маскулинности жертвы в его конце. Если же маскулинность разрушить не удастся, шансы не стать жертвой резко возрастают, даже если оппонент сам не является членом группировки.

Выводы

Размышляя о причинах возникновения и поддержания существующего гендерного режима в российских молодежных группировках, сущность которого заключается в полной изоляции от женщин и намеренном занижении их статуса, мы предположили, что доступ женщин в мужскую гомосоциальную группировочную среду повысит их символический статус и, в то же время, подорвет мужскую уверенность в своем превосходстве. Подобную ситуацию можно описать, введя термин «украденная маскулинность», а насилие против любого проявления женской групповой активности рассмотреть как некую маскулинную тактику по поддержанию подорванной мужественности. Появление женских группировок приходит в противоречие с сексистскими ожиданиями мужчин-группировщиков, а смешанные группировки не возникают из-за опасений членов группировок, что включение девушек нарушит существующий гендерный режим группировки и приведет к дезорганизации.

Совершаемое насильственное преступление создает реальную возможность для завершения гендера за счет унижения и обезчеловечивания жертв. Мужчины становятся объектом виктимизации, так как они,

являясь мужчинами биологически, не могут репрезентировать специфическую маскулинность в своих повседневных практиках, а, следовательно, члены группировок не считают их «настоящими мужчинами». Иными словами, разрыв между полом и репрезентируемым гендером становится очевидным для группировщиков и приходит в противоречие с их ожиданиями и представлениями о нормативной маскулинности. Если жертва не проходит «тест на гендерное соответствие», уже в диалоге ее маскулинность деконструируется.

Некоторые техники виктимизации, выявленные в ходе исследования, представляют не только теоретическую, но и практическую значимость. Результаты исследования могут быть широко использованы в разработке методик и тренингов по противостоянию насилию на улицах.

Литература

1. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск: Изд-во ТГУ, 1993.
2. Булатов Р.М. Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки (уголовно-правовые и криминологические аспекты) / Под ред. Р.М. Булатова, А.В. Шеслера. Казань: Таткнигоиздат, 1994.
3. Сибириakov С.Л. Уличные группировки молодежи в г. Волгограде // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М.: Юридическая литература, 1990.
4. Гильманов И.М. Криминологическая характеристика антиобщественных подростково-молодежных группировок Республики Татарстан (По материалам Казани, Елабуги и Набережных Челнов) / Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Казань: Казанский гос. ун-т, 1995.
5. Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В. Овчинского, В. Эминова, Н. Яблокова. М.: Инфра-М, 1996.
6. Кашелкин А.Б. Межрегиональный криминологический анализ подростково-молодежных группировок с антиобщественной направленностью // Социологические аспекты государственно-правовой работы в условиях перестройки. Казань, 1990.
7. Шестаков С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений участников молодежных группировок по месту жительства / Автореф. дисс. канд. юрид. наук. М.: Акад. МВД РФ, 1996.
8. Ferree M., Lorber J., Hess B. (Eds.) Revisioning gender. Thousand Oaks: Sage, 1999.
9. Connell R. Gender and power: society, the person, and sexual politics. Cambridge: Polity, 1987.
10. Matthews J. Good and mad women: the historical construction of femininity in twentieth century Australia. Sydney: Allen and Unwin, 1984.
11. Hatty S. Masculinities, violence, and culture. London: Sage, 2000.
12. Kimmel M. Manhood in America: a cultural history. N.Y.: Free Press, 1996.
13. Bhabha H. Are you a man or a mouse? / Eds. M. Berger, B. Wallis, S. Watson. Constructing masculinities. N.-Y.: Routledge, 1995.
14. Horrocks R. Masculinity in crisis: myths, fantasies, and realities. N.-Y.: St. Martin's, 1994.
15. Connell R.W. The men and the boys. Cambridge: Polity, 2000.
16. Lorber J. Paradoxes of gender. New Haven: Yale University Press, 1994.

17. Gilmore D. *Manhood in the making: cultural concepts of masculinity*. London: Yale University Press, 1990.
18. Connel R. *Masculinities*. Sydney: Allen and Unwin, 1995.
19. Stanko E.A. *Perspectives on violence*. London: Quartet, 1994.
20. Hearne J. *Men's violence to know women: historical, everyday, and theoretical constructions by men* / Eds. B. Fawcett, B. Featherstone, J. Hearn, C. Toft. *Violence and Gender Relations*. London: Sage, 1996.
21. Hanmer J., Radford J., Stanko E. *Women, policing, and male violence: An international perspective*. London: Routledge, 1989.
22. Scully D. *Understanding sexual violence*. London: HarperCollins, 1990.
23. Dobash R.E., Daly M., Wilson M. *The myth of sexual symmetry in marital violence // Social Problems*. 1992. 39.
24. Newburn T., Stanko B. *Just boys doing business*. London: Routledge, 1994.
25. Salagaev A. L., Shashkin A.V. *Fight as a Phenomenon of Juvenile Community // Selected articles of Nordic Youth Research Symposium - 7 «Making and Breaking Borders»*. Helsinki, 2001. — www.alli.fi/nyris/nyris7/papers/Salagaev.htm
26. Salagaev A. L., Shashkin A.V. *Peace or war: scenarios of behavior before a fight / Youth on the threshold of 3rd Millennium* / Ed. by V. Puuronen. Joensuu: University of Joensuu, Karelian Institute, 2001.
27. Salagaev A. L., Shashkin A.V. *Engendering victimization: who fears Russian delinquent gangs // Abstracts from the First Meeting of the European Society of Criminology (Lausanne, Switzerland)*. Lausanne, 2001.
28. Campbell A. *Men, women, and aggression*. N.Y.: Basil Books, 1993.
29. Campbell A. *The girls in the gang*. Cambridge: Basil Blackwood, 1991
30. Schwendinger H., Schwendinger J. *Adolescent subcultures and delinquency*. N.-Y.: Praeger, 1985.
31. Moore J.W. *Going down to the Barrio: Homeboys and homegirls in change*. Philadelphia: Temple University Press, 1991.
32. Harris M. *Cholas: Latino girls and gangs*. N.Y.: AMS Press, 1988.
33. Волков В.В. *Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999. Т. 2. № 3.